

Людмиле не хотелось вставать.

Свернувшись калачиком в маленьком гнездышке из одеял, которое она собрала вокруг себя перед тем, как заснуть прошлым вечером, она лежала на полу, прислонившись к сумке, наполовину заполненной зимними припасами. Только ее голова высывалась из-под одеяла; ее глаза все еще были закрыты, но на лице появилось раздраженное выражение. Вороны, собравшиеся снаружи, уже некоторое время грубо сообщали ей о приближающемся рассвете: каркали между собой и прыгали по тонкой крыше особняка, создавая шум, сквозь который она не могла задремать. Дрова в камине перед ней сгорели за ночь, и каменный пол больше не излучал никакого тепла.

Какой это был день? Сколько времени прошло с тех пор, как ее в последний раз оставляли одну в Уорденс-Вейл? Ее память обострилась по мере того, как утверждалось бодрствование.

Вернувшись в деревню, Людмила обошла все вокруг, чтобы подготовиться к предстоящим дням и отвлечься от своих забот, ища что-нибудь полезное, что могло бы помочь в ее одиноком бдении. На складе все еще оставалось изрядное количество ящиков и неупакованных товаров, оставленных из-за того, что они были слишком тяжелыми или громоздкими для перевозки без повозки. Полки были выложены ценной древесиной и в основном дополнительными скобами. Она нашла старую милицейскую форму, предназначенную для мужчины намного крупнее ее, засунутую в угол рядом со старым копьём, которое она также принесла в поместье.

Без административных вопросов или нерешенных проблем, требующих решения, жизнь превратилась в неинтересное размытое пятно повседневной рутины. Она выполняла несколько мелких работ по дому, а затем время от времени совершала обход с копьём в руке. У нее было достаточно времени, чтобы попрактиковаться с оружием или провести свободное время, перечитывая свою небольшую коллекцию старых книг, но жизнь в целом стала невыносимо тоскливой.

Хотя весна уже официально началась в Восстановлении, погода в южных высокогорьях ухудшилась. Воздух резко похолодал, и, хотя снега не было, большую часть дней она проводила, закутавшись в одеяло, за своим столом, чтобы согреться и сбросить силы, глядя из окна особняка на север. За все время ее праздного бдения корабль так и не вернулся, и никто не появился на песчаной тропе, идущей вдоль реки.

Она также остро осознала, как сильно ненавидит одиночество. На протяжении всей ее жизни вокруг всегда были другие люди – будь то ее семья или просто смутное присутствие жителей соседних деревень, – и она никогда не осознавала, что отсутствие этих вещей окажет на нее такое сильное влияние. Дошло до того, что она даже подумала о дикой природе, которая приходила в гости к ныне странно бездействующему человеческому поселению, как о желанных гостях, помогающих скрасить ее одиночество.

Пока птицы снаружи продолжали свою игру над поместьем и вокруг него, Людмила повернулась, чтобы посмотреть на плотно занавешенное окно на другой стороне холла, и тут же пожалела о своем поступке. Порыв холодного утреннего воздуха проскользнул под одеяла и лизнул ее икры. Она пошарила пальцами ног, пытаясь закрыть брешь в своей защите, но это только вызвало приток еще большего количества холодного воздуха. Когда ее драгоценное тепло быстро исчезло, она сдалась и с раздраженным криком выпрыгнула из-под одеяла.

Не успела она сделать и двух шагов, как по всему ее телу пробежали мурашки, направляясь к

милицейскому наряду, развалившемуся на соседнем стуле. Тонкая льняная сорочка, в которой она привыкла спать, мало защищала от морозного весеннего утра. Обычно кто-нибудь из тех, кто рано вставал в семье, успевал разжечь огонь к тому времени, как она вставала с постели. София приехала, чтобы сделать это, пока ее семья была в отъезде. Несмотря на то, что несколько утра подряд она испытывала это, ей было трудно отказаться от своих давних привычек.

Людмила надела слишком большой милицейский гамбезон, чтобы защититься от холода, ее пальцы дрожали от холода, когда она быстро справлялась с бретельками пальто. Поскольку он был скроен для более высокого человека, он сидел не очень хорошо. Ей пришлось подвернуть рукава, чтобы освободить руки, и подол костюма свисал ниже колен. Даже если бы она смогла найти для него пояс, петли на талии свисали до половины ее бедер. К тому времени, как она закончила, она наполовину замерзла, и холодная грубая ткань, казалось, усиливала ее страдания, когда касалась ее кожи.

Желание тепла гнало ее вперед. Вернувшись к камину и взяв щипцы, висевшие на крючке на стене неподалеку, она просеяла пепел, обыскивая обугленные останки, пока не обнаружила тускло тлеющий уголек. Убрав мусор из-под горшка, висящего над золой, она поставила его на пол камина, затем взяла горсть стружек из трутницы. Положив на тлеющие угли стружки и несколько расколотых поленьев, она снова разожгла огонь. Он вспыхнул и загорелся на стружке, охотно распространяясь на предложенное ею топливо.

Убедившись, что новое пламя не погасло, она достала из кастрюли железный половник и с его помощью разбила слой льда и масла, образовавшийся на поверхности тушеного мяса. Поскольку ей не хотелось выходить на улицу и черпать воду в такую морозную погоду, все, что оставалось, - это ждать завтрака. Аккуратно сложив одеяла, разбросанные по полу, и убрав их, она села, чтобы погреться в тепле огня. Обняв колени, ее глаза были расфокусированы, когда она размышляла в тени поместья.

Только после того, как она снова успокоилась, она поняла, что вокруг было неестественно тихо. Вороны замолчали, оставив только холодный ветер и отдаленные звуки реки в воздухе, если кто-то напряг слух. Мысль о том, что кто-то может приближаться к деревне, заставила ее вскочить на ноги. Подойдя к окну, она осторожно отодвинула занавеску, чтобы осмотреться.

Ее взгляд мгновенно приковался к подножию холма, где из утреннего тумана выступила темная фигура. Искра надежды, которая ожила в ней, угасла, когда она разглядела его внешность - мужчина был хорошо вооружен и закован в броню с полным шлемом, который мешал ей видеть его лицо: он явно не был кем-то, с кем она была знакома. Он замедлил шаг и поднял голову, чтобы посмотреть ей в лицо. Она быстро попятилась от окна, и занавески упали, когда она удалилась.

В спешке готовясь, она направилась туда, где на стуле лежали остатки милицейского наряда. Она подпрыгивала вверх-вниз, натягивая длинные шерстяные брюки, затягивая шнурок на талии и направляясь ко входу в дом. Ботинки с металлическими подковами, которые она нашла вместе с униформой, были ей слишком велики, поэтому она надела свои собственные. Натянув их и привязав к голове кожаную кепку от костюма, она засунула слишком длинные штанины брюк в сапоги, чтобы они не давали ей спотыкаться. Последними пришли перчатки из закаленной кожи - они были жесткими и неудобными, но это было лучше, чем ничего.

Людмила смутно осознавала, как нелепо она, должно быть, выглядела, но не придавала этому значения. Она отодвинула засов и распахнула дверь, потянувшись за копьём, прислоненным к стене рядом с дверным косяком. Он был два с половиной метра в длину, и ей нужно было

наклонить древко вперед, чтобы просунуть его в дверь. Когда она это сделала, основание копья наткнулось на что-то позади нее, и удар выбил его из ее руки в перчатке. Оружие упало с громким стуком. Раздраженно вздохнув, она наклонилась вперед, чтобы снова поднять его, и направилась к двери.

Поместье было построено на широкой центральной террасе, которая из поколения в поколение врезалась в холм. Он был слишком высок, чтобы просто спрыгнуть с него, поэтому она пошла по длинной и извилистой деревенской тропинке вниз, чтобы добраться до мужчины, стоявшего у входа в поселение. Спускаясь вниз, она заметила, что появилась вторая фигура, и ускорила шаг, не зная, сколько еще человек последует за ними. Доспехи ополчения тяжело висели на ее плечах, неуклюже толкая ее, когда она спускалась, и она чувствовала себя слегка запыхавшейся, когда, наконец, добралась до подножия холма, чтобы подойти к незнакомцам.

Когда Людмила подошла ближе, ее охватило беспокойство, когда она увидела, с чем столкнулась, поскольку он становился все больше и больше. Облаченный в угольно-черные пластинчатые доспехи, мужчина был ростом с древко копья, которое она несла. Два массивных клинка, перекрещенных на его плечах, нельзя было по праву назвать двуручными мечами – они были почти такими же широкими и высокими, как она. Их вес, должно быть, был таков, что при взмахе ее собственное оружие расколосось бы от удара, если бы она попыталась отразить удар. Она была в растерянности, не зная, как противостоять ему; вероятно, она ничего не смогла бы сделать, чтобы сопротивляться, если бы он пришел как противник. Мужчина, казалось, оценивал ее в ответ, но она не могла разглядеть его намерения через закрытое забрало шлема.

Людмила отвела взгляд от внушительной фигуры в доспехах, оглядываясь в поисках второго человека, которого она заметила по пути вниз. Ее сердце подпрыгнуло к горлу, когда она нашла ее, и в панике она подняла копье.

У женщины не было лица – или, скорее, у женщины было пустое лицо.

Над невысокой женской фигурой в одежде путешественника возвышалась гладкая бледная голова, лишенная каких-либо черт, за исключением пары пустых глаз и круглого беззубого рта. Женщина излучала ауру враждебности, которая заставила Людмилу приготовиться к неминуемому нападению.

Сбоку она услышала мужской голос, но не могла оторвать своего внимания от женщины с пустым лицом. Через мгновение она заметила призрачный образ второго лица, наложенного на пустое: его резкие, экзотические черты хмуро смотрели на нее: выражая то, чего не мог выразить другой. Людмила несколько раз моргнула, но ее зрение не изменилось. Хотя то, что предстало перед ней, казалось чужим и незнакомым, она каким-то образом инстинктивно знала, что бледное, невыразительное лицо было настоящим, а острое человеческое – каким-то другим обликом. Она продолжала сохранять свою стойку, направив острие копья на женщину, находившуюся менее чем в трех метрах от нее. Женщина не сделала никакого движения; она только направила на нее свой яростный взгляд в ответ.

Мужской голос снова прозвучал рядом с ними. Прочистив горло, он повысил голос, чтобы прервать их молчаливое противостояние.

“Наб, убедись, что территория безопасна”, – сказал он. “Доложите, если что-нибудь найдете”.

С коротким утвердительным и тихо произнесенным словом она медленно поднялась в воздух. Людмила следила за ее подъемом, пока Набе внезапно не бросился ей через плечо. К тому

времени, когда Людмила развернулась и снова обнаружила ее, она уже пролетала мимо деревни и огибала холм.

Глубокий голос человека в доспехах побудил Людмилу снова обратить на него свое внимание.

“Итак”, - сказал он. “Позвольте мне представиться еще раз”.

До этого момента он держал руку поднятой к шлему, делая вид, что может задумчиво провести подбородком по черному металлу. Теперь мужчина выпрямился, прижав пальцы в перчатках к груди.

“Меня зовут Момон”, - его слова были наполовину заявлением, наполовину смелым вступлением. “Моим спутником, который только что улетел осматривать окрестности, был Набе. Вместе мы - команда Адамантитовых искателей приключений “Тьма”. Может быть, вы слышали о нас?”

Людмила обдумывала его заявление, пока он говорил. Так далеко, на границе, мало что выходило за рамки официальных дел королевства.

Насколько она знала, среди адамантитовых авантюристов Королевства Переоценки были знаменитые “Красная капля” и “Голубая роза” - недавняя запись, состоящая исключительно из женщин. Обе эти адамантитовые команды базировались на северо-западе, далеко за пределами герцогства Э-Рантел. Голубая Роза сделала Королевскую столицу своим домом, в то время как Красная Капля работала еще дальше, между Королевством Переоценки и Аргландской конфедерацией.

Она никогда не слышала о Тьме, но предположила, что это не имеет значения. Представившись, Момон большим пальцем показал маленькую бирку, сделанную из какого-то темного металла, которая цеплялась за цепь, висевшую на его доспехах. Хотя она сама никогда не видела драгоценный металл, она подумала, что это должно быть доказательством его личности. Авантюристы жили и умирали благодаря своей репутации, поэтому она не могла представить, чтобы кто-то притворялся кем-то, кем они не были.

Людмила молча покачала головой в ответ на его вопрос.

“Неужели это так...”

Отпустив бирку, он продолжил говорить.

“В любом случае, администрация Э-Рантела послала нас доставить послание тем, кто владеет титулами в пределах ее границ”, - Момон несколько преувеличенно жестикулировал, когда говорил; казалось, он привык удерживать внимание аудитории. “В столичных архивах барон Заградник зарегистрирован как владелец этого холдинга. Возможно ли, чтобы вы привели нас к нему?”

Людмила сама еще не нашла ответа на его следующий вопрос, поэтому на некоторое время в воздухе повисла тишина, прежде чем она сформулировала свой ответ.

“Барон Заградник еще не вернулся из Э-Рантела”, - тихо ответила она и сглотнула после того, как начала. “Только горстка мужчин вернулась домой около трех недель назад. Десятки людей пошли с ним, когда король призвал свои знамена. Мы... С тех пор я ничего не видел и не слышал.

Поза Момона несколько расслабилась, когда он получил ее ответ, его голос смягчился и стал более успокаивающим.

“...Я понимаю. Мои соболезнования, если вы потеряли кого-нибудь в недавнем конфликте. Барон оставил после себя наследников ” сыновей?

Ее обдало жаром, когда она ошетибилась из-за немедленного заключения незнакомца о судьбе ее отца, но Людмила сдержала свой голос и снова покачала головой.

“Мои братья тоже не вернулись”, - сказала она.

“Твои братья?..”

- Барон Заградник - мой лорд-отец.

После ее ответа Момон выпрямился и снова поднес руку в перчатке к подбородку.

“По законам о престолонаследии Переоценивания, это сделало бы вас баронессой, не так ли?”

Людмила знала, что это так, но эта мысль только разжигала горечь, растущую в ее сердце. Словно почувствовав, что разговор принял неприятный оборот, Момон сразу перешел к делу.

“В таком случае, приказ был отдан: все землевладельцы герцогства должны прибыть в Э-Рантель, чтобы засвидетельствовать свое почтение своему новому суверену, Королю-Волшебнику. После этого предстоит выполнить несколько административных задач, но я оставлю эти детали на усмотрение столичных чиновников. Пожалуйста, приготовьтесь к путешествию: мы должны отправиться во второй половине дня”.

Король-волшебник? Не Император?

Незнакомое название вызвало у Людмилы несколько вопросов, но Авантюристке, казалось, больше нечего было сказать. Получив приказ, Людмила подняла копье и повернулась обратно к поселению; неуловимое чувство долга подталкивало ее подчиниться. Однако, когда она шагнула вперед, чтобы подняться на холм обратно к своему дому, Момон снова заговорил.

“Кстати, баронесса Заградник, - отчетливо прозвучал его голос у нее за спиной, - вы, кажется, не согласны с моим компаньоном. Есть что-то, что я должен знать?”

Неожиданный вопрос заставил Людмилу застыть на месте. Она задумалась, как ей следует отреагировать. Знал ли он? Было ли это секретом? Момон говорил о ней как о компаньонке... Возможно, они были любовниками. Вспомнив тревожное выражение лица женщины, она быстро выбросила эту мысль из головы. Может быть, этот "Набе" обманывал его? Людмила не могла судить об этом по их короткой встрече.

Приняв решение, она сделала глубокий вдох и выдохнула. Она снова повернулась лицом к человеку в черных доспехах.

“Твой спутник - Набе. Она была одета в одежду путешественника, но ее head...it была бледной и гладкой, как гусиное яйцо. У нее не было ни волос, ни носа: только пара пустых глаз и круглый безгубый рот”.

Людмила внимательно наблюдала за Момоном, пока говорила, но не почувствовала никакой реакции на свое описание.

В наступившей тишине Людмиле показалось, что она чувствует взгляд Момона сквозь забрало его шлема. Кожа заскрипела, когда ее руки крепче сжали копье, а его молчание продолжалось. Массивная фигура Адамантитовой Авантюристки нависла над ней, как какой-то темный призрак; это было так, как будто ее судили, и ее казнь одним из смехотворно огромных клинков на спине Момона была неизбежна.

Затем, внезапно, это чувство утихло.

“Неужели это так...” Голос Момона тихо затих, когда он отвернулся от нее, глядя на мрачное небо.

<http://tl.rulate.ru/book/82817/2627102>